

18+

БЛАГОСЛОВЕННО МВИЗРУ ПВО

Книга девятая

Владимир Борисович Броудо
Благословенно
МВИЗРУ ПВО. Книга девятая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51557332
ISBN 9785449837028

Аннотация

В 9-й сборник произведений педагогов и выпускников Минского ВИЗРУ «Благословенно МВИЗРУ ПВО» вошли произведения таких известных авторов, как Рыжик Анатолий Игоревич (Повесть «Жизнь в зелёном мундире. Книга четвёртая. Сумеречная зона») и Тиханович Алексей Константинович (стихи). Произведения имеют великолепную энергетику воинской службы, дружбы, любви и преданности своей Родине.

Содержание

Рыжик Анатолий Игоревич	5
Жизнь в зелёном мундире. Книга 4.	6
Сумеречная зона	
Вступление	7
Глава 1. Жизнь серьёзная, конечно, только всё-таки игра...	19
Часть 1	20
Рождение дочери	24
Старшая сестра	31
Очередной призыв	39
Пожар	43
Присяга	51
Рассказывает А. Тимофеев	51
«Повер»	57
Рассказывает А. Тимофеев	61
Окурки	65
Дивизионная жизнь	75
Оператор ручного сопровождения целей	76
Часть 2	79
Прикосновение к легенде	80
Сказки Кадуйского леса...	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Благословенно
МВИЗРУ ПВО
Книга девятая**

Редактор Владимир Борисович Броудо

ISBN 978-5-4498-3702-8 (т. 9)

ISBN 978-5-4496-1702-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыжик Анатолий Игоревич Выпускник МВИЗРУ 1971 года

Рыжик Анатолий Игоревич

Жизнь в зелёном мундире. Книга 4. Сумеречная зона

79 Гвардейской бригаде

**Памяти тех, кого уже нет
с нами, воинам ПВО
посвящается**

Вступление

Читая эту книгу помни латинское изречение:

*A probis probari, ab improbis improbari aequa
laus est*

*(Одинаково почётны и похвала достойных
людей, и осуждение недостойных)*

Четвёртая книга из серии «Жизнь в зелёном мундире» так же, как и три предыдущие о жизни – моей и семьи. Написана она была для дочерей, шестерых внуков, будущих правнуков, настоящих друзей. Совершенно неожиданно (я бы сказал – случайно) три моих книги выскочили на просторы интернета и началось...

Появились читатели, которые хотят узнать продолжение истории. Я же не хотел опубликовывать следующие тома – слишком неприятный и сложный период моей жизни описан в них. Период «сумрачной зоны»

Что это такое? В американской медиафраншизе под сумеречной зоной подразумевался некий параллельный мир, пятое измерение. Это промежуточная территория между светом и тьмой и снова светом... Мне кажется у меня происходило что-то похожее.

Оскар Уайльд сказал: «Вся прелесть прошлого в том, что оно – прошлое». Полностью с ним согласен. Тем не менее меня «раскачали» для продолжения изданий отзывы на кни-

ги и воспоминания тех, кто проходил аналогичную службу в армии. Да и время лечит...

Для того чтобы издать эту книгу я трижды редактировал, сокращал и выхолащивал тяжёлые фрагменты описываемого периода моей службы.

Интересно то что благодаря публикациям нашлись сослуживцы описываемых событий и даже солдат служивший со мной в дивизионе, а ведь прошло более сорока лет! Александр Тимофеев – хороший парень, оператор РС зенитно-ракетного комплекса С-75. Он прошёл с дивизионом описываемые в книге учения, события и прислал мне свой (как говорится – дембельский) альбом. Вот одно из его писем.

Тимофеев Александр <timalgen@ya.ru>

Анатолий Игоревич, здравствуйте!

Прочитал Ваши 3 книги – дочь на день рождения в декабре подарила. Здоровья, счастья Вам и Вашей семье и пожелание от меня – продолжайте писать.

У нас с Вами разница в возрасте 10 лет и 6 дней. Когда я пришел к Вам служить в ноябре 1977года мне было почти 19, Вам – почти 29. Тогда эта разница была очень существенной. Сейчас нам 61 и 71 – разница сглаживается.

Вы писателем себя не считаете, я не знаю насколько интересно другим будет читать Ваши книги, но мне было чрезвычайно интересно, и не только про то время, когда я служил, но и все Ваши воспоминания. Вы пишете легко и Ваше отношение к жизни мне нравится. Так что мое поже-

лание – пишите и издавайтесь, с удовольствием буду читать....

Дембельская осень

впереди расставание, а сегодня
мы снова вместе

А. Тимофеев

УЧИТЬСЯ ВОЕННОМУ ДЕЛУ НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ.

В. И. ЛЕНИН

ГРАМОТА

ГВ. РЯДОВОМУ ТИМОФЕЕВУ А.Г.

За высокие показатели в состязаниях боевых расчётов
войсковой части 40890.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 40890
ГЕНЕРАЛ-МАJOR АРТИЛЛЕРИИ
Р. Акчурин
Р. АКЧУРИН.

10 июля 1978г.

Грамота А. Тимофеева от командира Корпуса

Я записывал по датам наши стрельбы на государственном полигоне, они и фото из дембельского альбома сохранились – пересылаю Вам. Было бы интересно почитать про 1979год – мощные учения войск ПВО «Союз 79».

Надеюсь я увижу Ваши дальнейшие воспоминания. Еще раз спасибо Вам за книги.

...

Получив письмо от Тимофеева и установив с ним контакт (он живёт в Санкт-Петербурге) я предложил ему поучаствовать в написании этой книги. Пообещал сделать вставки его воспоминаний в мой текст, не меняя смысла им написанного. А также, не прихорашивая и не «выбеливая» о чём он напишет, как бы мне это не нравилось.

Он согласился и далее по тексту будут встречаться фрагменты его воспоминаний.

А начал он так:

«Четыре года назад занялся я очередными поисками своих сослуживцев в интернете, искал свою часть – 62952, и неожиданно нашел информацию о расформировании нашей части. Она прошла скромно, 10 минут – и все, эпоха ушла, забыли. И вижу на одной из фотографий до боли знакомое лицо – наш командир. Как всегда, улыбающийся. Искал – нашел его в соцсетях, написал письмо, и через четыре года, когда я уже и не ожидал – получил ответ. Оказывается, ко-

мандир пишет книги воспоминаний, в том числе о дивизионе, в котором я два года отслужил срочную. Рассказал дома, дочь на день рождения мне подарила трехтомник, который я с удовольствием прочитал. Написал А. Рыжiku письмо, в котором высказал свое отношение к прочитанному, сказал, что со всем согласен, только я видел службу немного под другим углом. В ответ получил предложение поучаствовать в необычном проекте. У меня хватило наглости согласиться.

Почему я согласился принять участие в проекте полковника Рыжика? Потому что он пишет, как есть, честно. Мне совершенно не нравится его поговорка о солдатах, но спасибо за то, что он честно ее высказывает.

Мне 61 год, в жизни многое повидал, у меня есть друг Саня Опорков, который лет 30 назад в непростой ситуации сказал банальность, но тогда она была очень к месту и не просто так, поверьте, мне запала.

Он сказал, что если не знаешь что говорить – говори правду. Я смотрю на жизнь с точки зрения не молодого уже человека и могу сказать вполне определенно – мы создаем себе массу проблем из-за того, что не умеем, не хотим, смелости не хватает говорить правду, не видим в этом выгоды для себя, хотим, чтобы было лучше – причин много, и мы лукавим.

Короче хочу поучаствовать в честном проекте, тем более что его начал мой боевой командир. Готов его поддер-

жжать.

Последний раз я встречался с нашим бравым командиром, капитаном Рыжиком Анатолием Игоревичем, на Московском вокзале в Питере, он мне передал направление в институт, который я благополучно закончил».

Много сообщений я получаю от тех, кто служил в зенитно-ракетных дивизионах Войск ПВО страны. Особенно радуют встречи с теми, кто вместе со мной служил в Череповецкой Гвардейской бригаде (многие из них находятся в Ярославле). Люди вспоминают эти годы и гордятся ими.

Есть письма и от сугубо гражданских лиц.

Если честно, то мне приятен отзыв на книгу Якунина Сергея Николаевича, заслуженного работника культуры РФ, отличника телевидения и радиовещания СССР, журналиста с 40летним стажем.

И не только за оценку моего труда, но и за понимание сложной службы в войсках ПВО:

Книга воспоминаний полковника Рыжика попала мне в руки совершенно случайно и на короткий срок.

Я человек далекий от армии и тем паче от ПВО (срочную я проходил в авиационной части), но было свободное время и от скуки решил полистать мемуары незнакомого мне человека. Легко – потому что они легко написаны- проглотил одну главу, и уже не отрывался. Даже не предполагал, что о нелегких армейских буднях можно рассказать так просто и так интересно. Открытием для меня стала работа

частей ПВО. Как-то думалось: ну стоит ракета, нажали кнопку – и вперед.

А оказалось это сложнейшее хозяйство! Стало понятно почему эти войска называют «щитом Родины».

Помимо интереса чисто к армейской теме, хотел бы отметить мягкий юмор Анатолия Рыжика, его умение передать живую атмосферу армейского быта. Чего стоит рассказ о воспитании любившего выпить офицера или «разбор полетов» на стрельбах! Люди в его повествовании именно живые. При этом автор проявил несомненный такт при рассказе о морально сложных ситуациях.

Рад был встрече с этими мемуарами, и надеюсь, что и другие читатели получают удовольствие.

С чем я не согласен, так это с определением моих рассказов как мемуары. Но об этом несколько слов в конце книги.

А сейчас ещё раз о сумеречной зоне. Уже заканчивая книгу я подумал, что не только в жизни человека может быть сумеречная зона, но и в жизни армии и даже государства.

Государство трогать не буду (без меня все знают), а вот об армии на примере родной Гвардейской Череповецкой бригады (в/ч 62952) я сумеречную зону всё же покажу.

Это соединение прошло славный боевой путь, который начался в 1917 году, когда был сформирован Путиловский стальной артдивизион в составе 3-х батарей. Вторая батарея этого дивизиона с ноября месяца 1918 года принимала активное участие в боевых действиях под Псковом и Нар-

вой, в районе Петрозаводска и на линии Вологда – Архангельск.

За исключительный героизм и мужество в 1919 году, батарея получает высшую награду – Красное знамя.

Дальнейший путь полк прошел через Халхин-Гол, Западную Украину, Белоруссию и Подмосковье.

С первого дня Великой Отечественной войны часть ведет боевые действия. 19 июля 1941 года был сбит первый фашистский самолет, а 22 июля в ходе отражения массированного налета немецкой авиации на Москву было сбито еще 2 самолета противника.

На Центральном фронте в июле 1941 года две батареи полка были выдвинуты на танкоопасные направления. В ходе боевых действий личным составом этих батарей были уничтожены 21 танк, 3 минометных батареи, 2 бронемашины, разрушено 7 дзотов и уничтожено более 200 гитлеровцев.

С 1941 по 1943 год полком уничтожено 40 и повреждено 104 вражеских самолета. 7 ноября 1942 года за боевые заслуги перед Родиной части было присвоено почетное звание «Гвардейская», вручено Гвардейское Знамя, и она была переименована в 72-й гвардейский зенитно-артиллерийский полк.

2 июня 1943 года полк преобразуется в 1-ю гвардейскую зенитно-артиллерийскую дивизию, а на базе 3-го дивизиона полка был сформирован 240-й гвардейский зенитно-артил-

лерийский полк.

В 1966 году полк был переименован в 79-ю гвардейскую зенитно-ракетную бригаду в составе четырех зенитно-ракетных дивизионов С-75 и пяти зенитно-ракетных дивизионов С-200....

...79-я гвардейская зенитно-ракетная бригада (в/ч 62952, с дислокацией ее штаба в г. Череповце) входила в состав 3-го (Ярославского) корпуса ПВО Московского округа ПВО.

Так было до 2001 года, а в 2001 году....

Войсковая часть 62952 расформирована в июне 2001 года. 13 июня на окраине г. Череповца прошла церемония прощания с боевым Знаменем части: расформированная бывшая 79-я гвардейская ЗРБр официально прекратила свое существование.

Церемония прощания с боевым Знаменем части

Церемония прощания с боевым Знаменем части

На церемонии присутствовали лишь два десятка офицеров, большинство из которых дослуживали в армии последние дни, и приглашённые ветераны. Не было ни традиционного в подобных случаях общего построения, ни речей, ни прочих предписанных ритуалом действий.

Церемония завершилась минут за 10—15: развернули боевое Знамя, встали возле него полукругом, попозировали перед объективом фотоаппарата...

Из статьи Вячеслава Елисеева: «Истина всегда где-то рядом...»

И как это можно назвать!?

Сумеречной зоной. Причём не только для 79-й Гвардейской бригады, но и для всех офицеров кто когда-либо служил под её знаменем.

Глава 1. Жизнь серьёзная, конечно, только всё-таки игра...

*серьёзная конечно,
только
всё-таки игра...*

Часть 1

*Жизнь – серьёзная конечно,
только всё-таки игра ...
Выиграл и живешь достойно
Проиграл – твоя беда*

До встречи Нового года оставалось около месяца, когда мы вернулись с полигона. Эшелон поставили на разгрузочную площадку ночью. Снег ветер и промозглая темень Череповца нас впервые радовала. А как приятно было щупать почернелый от сажи металлургического завода снег, после пыли и песка Сары-Шагана! Нас радовало то что раньше раздражало. Ещё бы: более трёх месяцев мы не были дома.

С началом разгрузки можно было задержаться, дотянуть до рассвета договорившись с железнодорожным комендантом, но все порывались быстрее добраться до дома. Я не стал тянуть время (как и все хотел быстрее домой). Сразу по прибытию дал команду на начало разгрузочных работ ночью. Приступили. Я был доволен: разгрузка шла с небывалыми темпами и очень чётко. Солдаты и офицеры работали с воодушевлением, подтверждая поговорку что самая приятная из дорог это дорога домой. Когда рассвело колонна была сформирована. Она была очень большой. Поэтому, когда мы подтянули её к переправе через реку Шексна, то сорвали переезд гражданским машинам.

Несколько часов длилась переброска техники на другой берег.

Колона прибыла в дивизион ночью....

Учения «Даль -78» прошли успешно, добрались до дома без происшествий, настроение было приподнятым. Мы занимали призовые места в бригаде по многим параметрам, в том числе в соревнованиях среди боевых расчётов.

Служба и жизнь были в радость.

Долго хорошо не бывает, по крайней мере не у всех. Когда всё хорошо, то не думаешь о том, что это пройдёт и за белой полосой жизни последует чёрная. Хорошо, что чередование полос обычно идёт достаточно быстро, и ты не успеваешь глубоко падать или высоко взлетать. Главное своевременно ориентироваться в поворотах жизни и не быть дальтоником как в анекдоте (старом и с бородой, но зато в тему):

Встречаются два друга, долго не виделись.

Один ужасно грустный.

1-й: что случилось?

2-й: с работы уволили, жена ушла, ну и т. д.

1-й: не переживай, жизнь как зебра: полоса белая, полоса чёрная. Теперь будет белая...

Через несколько лет опять встречаются.

У второго полубезумная улыбка. Выглядит затравленным.

1-й: Что с тобой опять?

2-й: Ну кто ж знал, что в прошлый раз была белая по-

ПО-ГВАРДЕЙСКИ — ЗНАЧИТ ОТЛИЧНО

ПЕРЕД выездом на полигон войны-ракетчики подразделения, в котором служит гвардия капитан А. Рыжик, выполнялась. Это и понятно. Предстояло решить весьма сложные задачи. Однако самым трудным делом, вешом тактического учения было выполнение боевых стрельб. Гвардейцы сделали все возможное, чтобы произвести все пуски с высокой точностью. Особая заслуга в этом принадлежит коммунистам А. Рыжику, В. Кнутовицкому, Г. Фокину, Р. Ганеву и другим. С самого начала тактического учения они развернули большую организаторскую и воспитательную работу. В ходе бесед они разъясняли солдатам, сержантам и офицерам поставленные задачи, особенности их выполнения. Напоминали о недопустимости упрощенчества и послаблений.

— Каждый специалист должен действовать, как в настоящем бою, — постоянно подчеркивал гвардии капитан А. Рыжик. — Мы обязаны стрелять только по-гвардейски. А это значит снайперски...

Горячим партийным словом и личным примером коммуни-

сты вырабатывали у личного состава инициативу и творческое отношение к решению вводимых, мобилизовывали на качественное выполнение задач на всех этапах тактических учений. Каждому коммунисту было дано определенное поручение, выполнение которого способствовало повышению у воинов боевого духа, морально-психологической устойчивости, слаженности и взаимовыручки.

Гвардии капитан А. Рыжик взял, например, под свой контроль организацию и руководство социалистическим соревнованием среди специалистов. Он добивался, чтобы всегда и во всем соблюдалась его ленинские принципы. Вместе с другими активистами коммунист старался донести до каждого воина передовой опыт правофланговых соревнования, заботиться о его внедрении.

Как только ракетчики свернули технику, сразу были выпущены боевые листки. В них коротко и ярко сообщалось об успехах лучших специалистов. Поэтому все знали, что на этом этапе учений наиболее высоких результатов добились гвардии младшие сержанты А.

О нашем дивизионе писали в газетах, нас хвалили на подведении итогов, и мы этим гордились

1979 год у меня получился разделённым только на две полосы: начался светлой, а вскоре перешёл в глубокую сумеречную зону...

Но начался год всё-таки великолепно!

Рождение дочери

Как—то в конце января, Машулька спросила у Анны, почему у неё такой большой живот. Получив ответ, что скоро у неё появится братик (или сестричка), очень обрадовалась. В то время пол ребёнка не определялся, и мы его знать не могли.

Рано утром шестого февраля у Анны начались схватки, и мы решили, что пора ехать в роддом. На улице ни зги невидно – всю ночь была сильная пурга, продолжалась она до с утра. Дороги заметены. Я приказал подготовить две машины: командирский ГАЗ – 69 и седельный ракетный тягач – вдруг легковушка застрянет.

До зимней переправы ехали долго, но добрались нормально. Переехали по льду через реку Шексна.

Тягач (за ненадобностью) я отправил в дивизион – обратно застрять не страшно. Благополучно определил Анну в больницу и отправился назад.

Где-то после обеда добрался до дивизиона. Сразу же заглянул домой, к Маше (старшей дочери было шесть лет) – она оставалась одна.

Потянулось время ожидания, но это продолжалось не долго: около семи часов вечера сообщили – у меня родилась вторая дочурка.

Роды прошли нормально. Анна и девочка здоровы. Мы

с Машей запрыгали от радости, и сразу стали готовиться к встрече из роддома Анны и второй Дочки пока на имеющей имени. Навели идеальный порядок в квартире, протопили комнаты, приготовили праздничный стол. Собрали необходимые вещи для транспортировки Нового Человечка. Среди них особым шиком отличался кружевной конверт—одеяло приобретённый моей мамой в Кронштадте.

В нашем доме было просторно и светло – квартира была хорошей. К этому времени у нас набралось множество всяческих мелких вещичек: статуэток, кувшинчиков, вазочек и сувениров, которые были расставлены на специальных полочках или развешены по стенам.

**Вид из комнаты
в прихожую**

Комната

Так было сделано в обеих комнатах и даже прихожей. Их было так много, что можно было открывать свой магазин и продавать, но мы продолжали их собирать. Нам кол-

лекция нравилась – сувениры на полках придавали своеобразность нашему быту и радовали глаз. На дверях комнаты с внутренней стороны красовался портрет Анны, размером 70 на 70 сантиметров. Он был нарисован, как только я приехал в дивизион и теперь был перенесён с первой нашей квартиры. Подготовившись к встрече, стали ждать.

Надо сказать, что мы привыкли к такого рода оформлению комнат и уже по-другому не хотим. Сейчас многие оформляют своё жильё как ресепшены в Египте или Турции. Сплошной блеск позолоты и кафеля. Холодно... У нас сейчас, как и тогда – проще. Может кто скажет, что это стиль мещанства, может быть, но.... Первый признак мещанского интерьера – это обилие подделок: ламы-

изошло: позвонили через четыре дня и сказали: – «Завтра забирайте».

Выехали с Машей в роддом заранее – надо было купить цветы и конфеты. Первым делом в Череповце заехали на базар, и нашли живые цветы – по тем временам это было очень сложно.

Продавал их какой-то «южный» гражданин, скукожившийся от холода и заломил за них, по моим понятиям, бешеную цену.

Торг был неуместен – праздник требовал щедрот. Приобретя цветы поехали в магазин и купили для своего праздничного стола торт бизе – «Паутинка». Знали слабость Анны, оставшуюся от очень скромного детства в Белорусской деревне – если нет торта, то нет и праздника. (Детям сейчас трудно понять, а в те времена однозначно было определение:

«Не когда праздник – торт, а когда торт – праздник»).

С алыми гвоздиками мы с Машулей «подружили» к роддому. Дождались, когда вышли Анна и медсестра с Дочуркой. «Обменяли» нового члена нашей семьи на конфеты и расположились в машине, готовясь к дальней дороге. Приехали мы в роддом на «козле».

(Так в народе назывался ГАЗ – 69, прототип современной машины УАЗ. Как его не утепляй, всё одно – едешь с ветерком. Летом это как с кондиционером, а если на улице минус сорок?).

Зато места в нём хватало. Анна с Машей сели на заднее

сидение, а я с Дочуркой разместился на переднем, рядом с водителем, где было потеплее.

Она была закутана плотно, в несколько одеял, так как на улице был мороз. В дороге она вела себя очень тихо. Такое поведение пугало меня. Я периодически командовал водителю остановиться и заглушить двигатель, а сам откидывал одеяло с её личика и смотрел: дышит ли...

Остановки получались частыми, Анна смеялась надо мной, но Машулька поддерживала меня, беспокоясь за сестричку.

Добрались домой нормально, нигде не застряв, хотя дороги были перебиты очень сильно. Расположили Дочурку в бывшей Машинной кровати. Распеленали и ахнули – ребёнок не наш! Голубые глаза и огненно-рыжие волосы! Я сомневался: не перепутали ли в роддоме, но на руках и ногах были клеёнчатые бирки с фамилией Рыжик. – «Может в соответствии с фамилией подобрали ребёнка?» – спросил я настороженно.

Анна шуткой «поддержала» меня:

– «Родители не те, кто родил, а те, кто вырастил!». Ну раз так, то решили – будем растить...

Имени заранее мы не придумывали. Оно впервые прозвучало после рождения дочки.

Почему назвали Анюткой? Посоветовавшись с Машей, мы так решили.

Я видел, что Машенька похожа на меня, так пусть что-то

будет Анино во второй дочери.

Я не знал, что об этом она побеспокоилась сама, создав внешностью дочери почти свою копию. (это в самом деле так, но сходство мы увидели значительно позже). В нашей просьбе Анна не отказала, но и не одобрила. Провели семейный совет. Анна предложила назвать дочку Наташей. Мы с Машей были непоколебимы.

*Анюта 1979 год
Первая фотография*

*Анюта
2017 год*

Фотографии Анюты в 1979 и 2019 годах

Вопрос был поставлен на голосование.

Имя «Анютка» прошло большинством голосов.

Старшая сестра

Маша была серьёзной помощницей Анне, умела стирать пелёнки, пеленать и кормить Анюту, всячески помогала ей в домашних делах.

Хорошо и толково могла выразить свою мысль, бегло читала, знала много сказок и стихотворений. Во всех семейных событиях она принимала активное участие. Анна ушла в декретный отпуск, и теперь они вдвоем хлопотали по-хозяйству.

Но дальняя дорога в детсад не канула в прошлое – Маша продолжала в него ходить вместе с группой других детей из нашего городка.

Она была самостоятельной девочкой, принимала правильные решения не свойственные детям в её возрасте. Не была и трусихой. Пример тому один случай произошедший в доме.

Мы завели ежа. В качестве «средства от крыс» – считалось, что он их «давит». Ёжик прижился на кухне. Перестал бояться людей, не сворачивался клубком в нашем присутствии, даже возможно было взять его в руки.

Маша любила с ним играть и водила его на прогулки во двор. Однако с ежом появился определённый дискомфорт в доме: он очень громко (почти как человек) топал по ночам, даже бывало, будил нас. С этим недостатком можно бы-

ло бы смириться при наличии положительных результатов в его охоте, но крысы не исчезали более того. . . .

Однажды выйдя на кухню, Маша увидела, что из блюда с молоком, которое мы ставили ежу на пропитание, пьёт не только он, но и. . . пара здоровенных крыс. Взяв кочергу, Маша их отогнала, загнав в угол, и позвала Анну. Та, не подозревая о причине вызова, вышла на кухню. Увидев ситуацию, с визгом убежала в комнату, оставив ребёнка «один на один» с тварями.

Меры всё же приняла – позвонила мне. Я поспешил на помощь – загнанная крыса опасна. (Был случай: в нашем дивизионе, загнанная в угол крыса откусила ребёнку кончик носа).

Прибежал домой с работы я через десять минут и увидел, что одной крысе удалось спастись бегством, а другой Маша надёжно перекрыла пути отхода, не давая ретироваться. Крыса стояла, оцетинившись и готовая к нападению, однако Машулька совсем не боялась страшилища со здоровенным хвостом!

Вдвоём с Машей мы начали действовать. С крысой быстро расправились, и успокоенная Анна пришла на кухню.

Маша помогала мне ухаживать за кроликами, которых мы начали разводить ещё в 1978 году. Всё началось с того что завхоз притащил в дивизион огромного, чёрного, очень красивого кролика. Сказал, что эта порода называется «Королевский кролик» и он весит более четырёх килограмм. Зная

жулика-завхоза я ему особо не поверил: у него всё что надо кому-нибудь всучить – «суперкоролевское».

Однако это оказался не тот случай – кролика он купил в деревне себе (позже я разобрался – завхоз говорил правильно: эту породу вывел какой-то пастор во Франции и назвал её «Рекс», что в переводе означает «королевский»). На мой вопрос для чего ему нужен кролик: для еды, бартера или для разведения, начхоз выбрал последнее. Пояснил что эта порода характеризуется ценностью меха, качеством мяса.

Кроме того – минимум затрат на содержание зверей.

Разговор у нас состоялся в городке и к нам подошла моя дочка Маша. Погладила кролика (его бархатная шерсть очень красива и напоминала мне велюровое пальто жены начальника штаба купленное в Германии и одеваемое ею по большим праздникам на зависть всем женам офицеров).

Начхоз продолжал хвалить кролика: самым главным достоинством этой породы является то что животное неприхотливо, поэтому не вызывает сложностей в уходе и содержании. Маша ухватила за это высказывание начхоза и упростила меня тоже начать разводить кролей.

Я видел, как загорелись глаза у дочки, когда она гладила кролика-красавца и не устоял. Нет конечно я не собирался никого разводить – мне забот и так было «выше крыши». Думал куплю кролика – пусть дочка играет и занимается с ним, да и детворе соседской забава. Мелькнула и меркантильная мысль: к зиме жаркое будет.

Поехали в деревню к мужику кролиководу за королевским экземпляром. А тот в своём «спиче» опять начал повторять завхоза:

– «Возьмите пару, не пожалеете. Что один? Сдохнет у ребёнка будут переживания! Да и Вас совесть замучает! А я ведь совсем не дорого продаю. Не купите пару – будете потом вспоминать и сожалеть...».

Не подумав, не всё взвесив и не устояв, под умоляющим взглядом дочери я согласился. Конечно это было неправильное решение имеющее положительную сторону только в том, что это сейчас можно вспомнить.

Ведь я из Кронштадта – городской житель! Откуда мне было знать, что кролики размножаются быстрее чем летают ракеты ЗРК!

После того как я соорудил клетку для купленной пары – понеслось! Как мне показалось, прошло всего чуть более трёх месяцев, как поголовье достигло более двух десятков разноцветных кролей. Для маленьких жителей дивизионного городка посещение нашего сарая с кролями приравнивалось к походу в цирк. Они «торчали» возле кролей часами, делая свои интересные наблюдения о жизни кроликов. (порой понятные только взрослым и вызывающую ехидно-мечтательную улыбку у солдат). За частые посещения нашего «зоопарка» мы стали взимать с детей плату в виде пучка свеженащипанной травы.

Вскоре это стало традицией. В городке не надо было косить траву, а у нас с Машей уменьшился объём работы. Я научился снимать и выделывать шкуры, Анна готовить вкусные блюда. Шкуры кролей накапливались, мы их раздавали всем желающим. Пару воротников и шапку Анне из белоснежных кроликов я всё же сшил. Получилось неплохо.

Нас расстраивало то обстоятельство, что гибель поголовья была очень велика – новорождённых съедали и душили сами крольчихи, а больших кролей убивали крысы, прогрызая им череп. Что только не предпринимали, пытаясь защитить бедных кроликов! Не помогали даже металлические клетки – крысы продолжали наносить кролям серьёзные по-

тери. Я и Анна начали подумывать о прекращении этой затеи. Не только потому, что с крысами не было сладу, но и потому что, Маша глубоко переживала, когда некоторые из её воспитанников попадали в обеденную кастрюлю или душились крысами. Правда, мы этого ей не сообщали, но, периодически недосчитываясь своих друзей, она начинала их искать.

Чтобы там не говорили, а труд по разведению кролей всё же оказался тяжелым и неблагоприятным, требующим большого количества свободного времени. У меня его не имелось. Да и разводить мы их начали не из-за того, что нечего было кушать, а из интереса к ним нашей дочери.

Обеспечение продуктами у нас (по тем временам) было отличное, более того, Анна, идя пешком с работы мимо деревенской свинофермы, покупала свежую свинину, по одному рублю пять копеек за килограмм. Очень часто это были молочные поросята, которых вынуждены были забивать, если они получали травмы от взрослых свиней. Всех остальных продуктов тоже было достаточно.

Маша давала новорождённым кроликам имена и очень любила играть с ними. Играла вся детвора городка – дети офицеров.

Участвовал в играх и маленький котенок, которого мы завели в доме после «опозорившегося» ежа.

И всё же: в середине 1979 года разведение кролей мы прекратили.

Из домашней живности остался только кот.

Дивизионный городок 1979 год

Честно скажу: котов особо не люблю. Но этот был у меня в почёте: у нас в доме появился новый помощник и друг семьи. На него возлагалась серьёзная миссия – победить вездесущих здоровенных крыс, которые грызли всё подряд (даже кабели на ЗРК). Котёнка подарили Анне в деревне и сказали: подрастёт – доверие оправдает. Дочка и жена называли его «Атаманом». Он был маленьким и пушистым. Я в его будущий успех не верил: в борьбе с крысами перепробовано было много способов – всё бесполезно. Со временем котёнок вырос в большого сибирского кота – крысолова. Анна не могла на него нарадоваться – каждое утро, выходя в коридор, она обнаруживали у своих тапочек аккуратно сложенные головы и лапы крыс.

*Тяжела ты
ноша с
Атаманом*

Социализм – значит учёт. Атаман отчитывался за проделанную работу как положено. Обычно его добычей за одну ночь были две – три штуки. Может он давил и больше, но складывал у тапочек только две – три. Его начали не только любить, но уважать за дела....

Очередной призыв

Воспоминания А. Тимофеева

Помню первые впечатления о дивизионе. Нас долго везли в кузове ГАЗ-66 по проселочной дороге. Было начало зимы, в машине было холодно, темно, неудобно. Дорога – одни ухабы.

Нас привезли в дивизион, привели в казарму. Помню мы стояли в казарме, чего-то ожидая, мимо нас ходили солдаты, разглядывали вновь прибывшее пополнение, потирая руки и посмеиваясь над нами. Мы были по уставу одеты, ремни затянуты, пуговицы все застегнуты, а рядом ходили местные старослужащие, чувствующие себя дома, им уже не полагалось застегиваться и затягиваться, смотрели на нас как смотрят хищники на свою жертву, которая уже никуда не денется, нужно только нагулять аппетит и слопать.

Я чувствовал себя желторотым цыпленком, попавшим в голодные кошачьи лапы. Обстановка новая и совершенно незнакомая.

Дедовщина была, унижений и мордобоя не было, но психологический прессинг был сильный.

НАМ ВМЕСТЕ СЛУЖИТЬ
730 дней

Нам вместе служить 730 дней

Призыв наш был мал, всего 7 человек, из которых один – повар, один – хлеборез и один – сержант. Оставалось четверо, на которых ездили все, кому не лень.

Хотя я несколько утрирую, конечно далеко не все, в основном народ был спокойный, но были некоторые личности, кто мимо не пройдет, обычно это были те, кто сам получил изрядно в начале службы. Особенно отличались стартовики – «деды» из стартовой батареи. Радиотехническая батарея была более миролюбивой, они к нам практически не цеплялись, стартовики же, особенно некоторые,

буйствовало. Помню москвича Логинова Александра, он нам прохода не давал никогда.

Рассказывали, что в Новый год будучи молодым ему сильно досталось, и в Новый 1978 год, когда праздник закончился и нас отправили спать, мы лежали в ожидании неприятных событий.

Через какое-то время «деды» нас подняли, построили, кому-то врезали, кого-то погоняли. Досталось слегка. Мы были слабее и психологически, и физически, нас просто подавили. Двое из нашего призыва попали в стартовую батарею, им доставалось больше других.

Офицеры как могли боролись с дедовщиной. Помню капитан Галлиулин на нас постоянно ругался за то, что мы убираем со столов после всех, но такова была традиция – первые полгода ты убираешь, потом 1,5 года за тобой убирают. Помню мы смотрели на происходящее как на самое худшее время в своей жизни, которое скоро закончится. Так и произошло – со временем мы попривыкли, набрались опыта и сил, да и время салаг прошло – мы начали давать отпор, да и вновь прибывшее пополнение уже мы воспитывали, не слишком рьяно, но учеба не прошла даром – нам уже было что сказать. С Александром Логиновым было покончено, когда мой друг с первого по последний день службы Юрка дал ему отпор, больше он нас уже не доставал. Первые полгода – это привыкание. Ты, желторотик, ходишь весь подтянутый, ремнем перетянутый, на все пуговицы застегну-

тый. Первый раз убираешь казарму – тебя потом тычат носом в места, о которых ты даже не думал, находят грязь и заставляют убирать еще раз. После отбоя тебя через какое-то время будят и на кухню картошку чистить. А картошки много – на весь дивизион, и вот мы, вновь прибывшие, сидим кружком и чистим. Чем быстрее управимся – тем подольше удастся поспать.

Я был самым молодым в нашем призыве, Юрка Пестряков, дружба мой, был постарше и он из деревни из-под Горького (ныне Нижний Новгород). Он был лучше к жизни подготовлен во всех отношениях, хотя я тоже маминькиным сынком не был.

Пожар

Фейерверк (обилие огня) в честь рождения Анюты был большой, а произошёл он в дивизионе, спустя две недели после её рождения. Он был далеко не праздничный, совсем не желаемый, а мог оказаться даже трагичным.

Зимой в дивизионе ухо надо держать востро – холода сильные, как не топи в казарме холодно. На технике ЗРК ещё холоднее – железо кругом, а когда она выключена, то на ней иней. Прибегаешь по тревоге, включаешь обогрев, но тепло быстро выдувает ветер. Солдаты делали самодельные нагреватели, называемые «козлами», которые часто «коротили» электролинию и возгорались.

Офицерский состав успевал за зиму конфисковать подпольные нагреватели десятками (и таких моделей что ещё только лет через десять будут конструктивно реализованы для ширпотреба), но возгорания всё равно происходили.

К казарме трубы подвода горячей воды отопления из котельной были утеплёны паклей и стеклотканью. Обратная труба (с остывшей водой) проходила через крышу.

Однажды она замёрзла....

В дивизионе каждый офицер, прапорщик и солдат отвечал за порученный участок. Правильность и своевременность действий одновременно всех проконтролировать было невозможно. Основной и непрерывный контроль осуществ-

ляется над боевой готовностью, а то, что творится в тылу порой упускалось из виду. Так произошло и в этот раз. Когда обратная труба, проходившая через крышу казармы, замерзла, то кочегар взялся её отогреть открытым огнём паяльной лампы. Отогрел. В первой половине дня вода по трубам начала циркулировать, отопление в казарме восстановилось.

Но опилки утепления начали тлеть....

В два ночи меня поднял дежурный по дивизиону: – «Товарищ капитан! Горит казарма!».

Через считанные секунды я был в дивизионе.

Горела крыша казармы факелом и треском разлетающегося во все стороны шифера.

В самом помещении появился только дым и запах угрозы пожара.

Весь личный состав, проживающий в казарме, уже приступил к хаотичным действиям по тушению огня.

Поставив одну команду на вынос документов штаба и секретной части, а вторую на вынос оружия я бросил остальные силы на борьбу с огнём. Забрасывали снегом, поливали из водопровода, засыпали песком, заливали водой из водоёма, тушили огнетушителями и кошмой. Солдаты были разделены на команды, действиями которых руководили офицеры. Борьба с пожаром напоминала жизнь муравейника – все бегут и что-то делают. Делали правильно, так как огонь начал утихать, а через 30 – 40 минут над казармой стояли только клубы пара. Для верности крышу проливали водой

до утра – могло быть повторное воспламенение.

Подвели итоги борьбы с огнём. Пострадавших было двое солдат – незначительные травмы горящим шифером. Конечно, хорошо, что казарма не сгорела полностью, но и половина сгоревшей крыши при температуре – 40° представляла серьёзную трудность для проживания и восстановления. Посоветовавшись с замполитом и начальником штаба, решили: докладывать комбригу нет смысла – только замучают комиссиями, а помощь если и будет, то мизерная и не сразу.

Однако своими силами мы не справимся – надо много стройматериалов. Казарма большая, на двести человек. В ней много дополнительных помещений: штаб, кухня, оружейная комната, умывальник, бытовая комната, санчасть. Много и подсобных помещений. Решили обратиться в колхоз, к директору Чистякову Валентину Ивановичу и к шефам Череповецкого металлургического завода.

Директор ситуацию и нас понял. Дал часть стройматериалов, но солдаты их стоимость должны были отработать в «битве за урожай».

Понятно: социализм – это учёт и Валентин Иванович не мог распоряжаться казёнными материалами как своими. Против такого бартера не попрёшь....

Остальную, недостающую часть стройматериалов добавили (безвозмездно) шефы (листопрокатный цех Череповецкого металлургического завода), оформив их подарками личному составу дивизиона ко Дню Советской Армии.

Получив материалы, я разместил всех солдат в строениях отапливаемых учебных классов, и приступил к ремонту своими силами. Прошло всего пять суток после происшествия, как половина крыши засияла новизной покрытия.

Красота!

Прошло немного времени как приехал комбриг с очередной комиссией – проверять организацию дежурства и боеготовность дивизиона.

Проходя мимо казармы, заметил новую часть крыши и, похвалив – удивился:

– «Молодец Рыжик! Крышу казармы, зимой обновил своими силами». Пошутил:

– «Может ты и в бригаде кое в чём нам с ремонтом поможешь? Тоже на казармах крыши подтекают. Только почему ты на своей всего половину перекрыл?».

– «Сгорела бы полностью – обновил бы всю...» – ляпнул я.

– «Ты чего сказал? Думать надо, что говоришь капитан! Такими вещами не шутят!

Не дай Бог накаркаешь на свою голову!» возмутился подполковник Хозяинов.

– «Виноват, не подумал» – сказал я.

Мне нечего было возразить...

В те времена в стране существовала мощная хорошо отлаженная система внештатных сотрудников оперуполномоченных. Я думаю, что всё что происходило в армии было известно им и находилось под контролем органов. Несомнен-

но, это были не те сталинские времена, когда людей забирали днём и ночью в тюрьмы и Гулаги.

Я даже считаю, что такая система (естественно при умном руководстве и при правильном отделении зерна от плевел) позволяла вскрывать и предупреждать очень нехорошие события. Жаль, что только не всегда выполнялось условие: «при умном руководстве и при правильном отделении зерна от плевел».

Тем не менее считаю, что основная задача созданной системы выполнялась верно и порой была просто необходима. А её работу как говорится в простонародье: «я не раз испытал на собственной шкуре». В первый раз мне слава Богу повезло с руководством, а дело обстояло так...

Многие происшествия и нехорошие случаи, которые происходили в далеко расположенных дивизионах, сходили руководителям с рук только по причине инертности системы «донесений». Кое-что замалчивалось из-за несрочности, а кое-что из-за «забывчивости».

Если возникали серьёзные проблемы, в решении которых командование могло помочь только выговором, а тебе придется их решать самому, то зачем себя сечь?

При такого рода неприятностях, которые возникали в дивизионе, я сразу обрывал возможность контактов информаторов «с внешним миром». На телефонный коммутатор сажал начальника штаба контролировать разговоры, чтобы «сексоты» не могли позвонить с докладом о происшествии,

и прекращал выезд личного состава в штаб бригады. Параллельно с этими мероприятиями начинал экстренно ликвидировать последствия и причины, породившие происшествие. Доклад о плохом событии в дивизионе получили «в верхах» с таким запозданием, что он не представлял острого интереса, а порой и ценности.

Командование это вполне устраивало, хотя внешне оно возмущалось.

Но в органах работали не дураки – вскоре они поняли мою тактику укрывательства происшествий.

Теперь в состав всех комиссий приезжающих в дивизион включался оперуполномоченный. В дивизионе он беседовал с массой личного состава и получал информацию от своих информаторов. Разобраться кто их люди в большой массе «беседуемых» было невозможно.

А знать бы не помешало...

Когда приезжали в дивизион комиссии вышестоящего штаба, то я на плацу строил всё подразделение. Затем делал развод личного состава по местам работ, на котором распределял расчёты по направлениям работы членов комиссии. Выглядело это так:

- «Расчёт аппаратной кабины выйти из строя. В распоряжение майора Сидорова (члена приехавшей комиссии).
- Расчет дизельных электростанций выйти из строя. В распоряжение майора Петрова.
- Расчёт станции разведки и целеуказания выйти из строя.

В распоряжение подполковника Иванова». Личный состав выходил из строя и шел работать с членами комиссии штаба по своей специальности. При приезде очередной проверки, когда я проводил развод, то в середине распределения по членам комиссии скомандовал:

– «Личный состав внештатных сотрудников выйти из строя. В распоряжение оперуполномоченного майора Созинова». Из строя, при недоумении приехавшей комиссии и офицеров дивизиона, вышло трое солдат...

Молодость, глупость и непонимание серьёзности сделанного мной могло привести к крайне серьёзным последствиям.

На следующий день после проверки меня вызвал в штаб бригады комбриг полковник Хозяинов.

В его кабинете сидел старший оперуполномоченный бригады майор Созинов.

Мне популярно было доведено, что в случае повторного раскрытия резидентуры мои действия будут расценены как вредительство. Объяснили: «вредительством в советском уголовном праве

называются действия, направленные на подрыв любой отрасли советской экономики...».

Ещё больше заставили меня вздрогнуть, сказав, как посмотреть на мною содеянное. Ведь уголовный кодекс считает вредительство – диверсией, если оно имеет прямой умысел и цель нанести вред оборонной способности страны.

В заключение «душещипательной беседы» довели под роспись статью уголовного кодекса.

В этом случае мне повезло: у меня не имелось злого умысла и было умное руководство бригады, сумевшее «замять» это дело. Солдат из дивизиона перевели, Созинову набор «резидентов» надо было начинать с нуля.

Офицеры бригады по этому случаю перешёптывались и посмеивались, однако мне было не до радости и даже не до шуток.

Был не 37-й год, но шутить с этим было нельзя...

Присяга

В дивизион поступила молодежь (ещё не солдаты) очередного призыва. Как и в предыдущем году было принято решение принимать присягу у памятника Ленину, который мы соорудили сами, позаимствовав его «по частям» в совхозе «Комсомолец». Как проходила присяга я описывал в предыдущих книгах. Интересен взгляд на этот ритуал солдат.

Рассказывает А. Тимофеев

11.12.1977 года. Присяга. На фото: командир дивизиона капитан Рыжик, мама, я, замполит капитан Кнутовицкий

Присягу принимали возле памятника Ленину, который сперли в соседней деревне. Мне об этом рассказывали, я не очень верил, в воспоминаниях командира прочитал – удостоверился.

К присяге нас чуть-чуть успели подготовить, кое-как ходить строевым шагом мы научились, блистать не блистали, но что-то уже изображали. В дальнейшем мы много строевой занимались, а когда что-то стало получаться – то даже получали моральное удовлетворение от занятий.

У нас с Юркой неплохо получалось вдвоем синхронно ходить. До сих пор, по прошествии 40 лет, помню движения. С карабином бы не справился, но развернуться на 180 смогу. Не знаю, правда, зачем мне это сейчас.

На присягу приезжали родители, только мои мама с папой. Помню, что их приняли очень хорошо, поселили в доме для офицеров. Их привели к нам в казарму, у нас было построение, они прошли мимо меня и не узнали.

Присяга проходила в дивизионе. Дивизион малочисленный, но была создана атмосфера торжественности, офицеры были по парадному одеты, мы старались, как могли, блистать выправкой, отец нас фотографировал. Одну из фоток, там, где запечатлен Юрка Пестряков во время приема присяги, я увидел в книге командира, она у него сохранилась. Отец прислал нам фотографии и отснятую пленку.

От плёнки практически ничего не осталось – мы её благополучно истрепали.

После присяги меня отпустили к родителям. Помню, как я съел все привезенные мне продукты, в том числе шесть котлет и еще много чего, после этого посмотрел на часы, попросил отлучиться на обед в казарму, такое мероприятие пропустить я не мог. Родители были удивлены – так много я никогда не ел.

Родители приезжали еще летом, я сфотографировался под зонтиком

Весь призыв после принятия присяги

Первые полгода у меня всегда в кармане лежала записка – кусок хлеба. Есть хотелось постоянно, несмотря на то, что кормили нас неплохо. Потом уже хватало. Поправился я сильно, хотя по конституции я всю жизнь худой.

Самое смешное мое прозвище было – сухофрукт, самое приличное – марафонец. Других не скажу.

Самое лакомое блюдо было – масло. Его давали утром по 20 грамм, намазал на кусок белого хлеба – бутерброд готов.

Было такое понятие – 100 дней до приказа.

С того момента, как до приказа Министра обороны о призыве и увольнении с военной службы оставалось 100 дней, те, кого касался этот приказ, кто по этому

приказу должен был покинуть славные ряды Вооруженных Сил – становились дембелями и свое масло отдавали молодому пополнению. Так и было.

«Повер»

Повара в подразделении – особые солдаты. Можно сказать, что это лицо дивизиона, от которого зависит здоровье, настроение и крепкий стул личного состава. Обычно поваров готовят в учебном отряде полгода, если на гражданке они не работали по этой специальности.

Как-то осенью, при очередном призыве, сидим с замполитом в моём кабинете и беседуем с молодым пополнением, призванным на службу. Распределяем солдат по военным специальностям.

Призыв как говориться неудачный – один Восток: узбеки, таджики, киргизы, немного азербайджанцев. Ломаем голову: в какие расчёты их можно определить, если они по-русски не все говорят?

Стартовая батарея (где они хоть каким-то боком годятся) укомплектована почти полностью. А кого брать операторами на станцию наведения ракет?

Заходит очередной новобранец. Я его спрашиваю:

– «Фамилия?»

– «Повер» – отвечает. Замполит записал.

– «Имя?» – спрашиваю.

– «Повер».

– «Отчество?».

– «Повер». Его ответы нас с замполитом не удивили: у во-

сточных ребят часто фамилия имя и отчество одинаковы.

– «Национальность?».

– «Повер».

– «Какая???» – удивились мы не понимая.

– «Повер».

Мы недоумевали. Тут замполит проявил находчивость:

– «Командир! Может это по -ихнему выражение „не понимаю по-русски?“. Давай вызовем второго такого-же – национальности пусть наводит транскрипцию».

– «Брось ты... одним словом целое предложение... хотя кто его знает».

Но всё же попытался ещё раз:

– «Послушай – говорю я ему – не морочь нам голову, такой национальности нет». Вдруг он начал говорить:

– «Докумэнта ест» – отвечает и протягивает мне какую-то замусоленную бумажку.

Она у меня долго хранилась, я её показывал друзьям и знакомым, когда рассказывал этот случай – не верили.

Читаю:

– *«Справка этат выдан Махмаджан Майры патаму что он хароший повар. Подпис: Придсидатель сельскава Совета аула».*

На справке подпись и печать.

Мы с замполитом рассмеялись: всё стало на свои места, а солдат заговорил:

– «Я повер. Снег – баюс. Холод – баюс. Стартабатарей –

баюс. Назначай повер началник!».

Решение я принял, не задумываясь – в стартовую батарею. Наступала зима, снега много. Надо ежечасно чистить пусковые установки, а солдата, пока он не изучил русский, язык только этому и можно было научить.

В то время у меня на кухне работал поваром солдат из Ленинграда по фамилии Берхман. Шустрый парнишка. Повар от Бога. До призыва в армию он работал в ресторане «Невский», который находился прямо на Невском проспекте в Ленинграде.

Мы с Анной годы спустя в этом ресторане побывали, Берхман там работал, но была не его смена, встретиться не удалось.

Не знаю, почему Берхмана не перехватили для службы в столовые вышестоящих штабов, и он попал в дивизион.

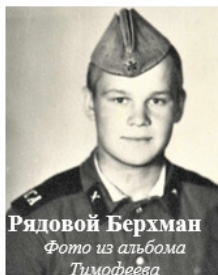
Даже трудно предположить причину. Может проморгали, но скорее всего из-за фамилии. Готовил Берхман отлично. К этому времени я привёл солдатскую столовую к образцовому виду.

Стены оббил вагонкой и обжег под старину.

Привёз из родительского дома фотографии видов Ясной Поляны (больших размеров 70×50 см натянутые на планшет) и развесил по стенам. Получилось очень хорошо. Из подсобного помещения сделал офицерскую столовую – обычно на довольствии стояло 5—8 холостяков. Это были не только офицеры, но и прапорщики.

Столовую оборудовали, сделав соответствующий дизайн и закупив на заработанные солдатами в совхозе деньги – мебель, шторы на окна, хорошую посуду. Продуктов на складе было достаточно, и я приказал готовить для офицеров отдельно от общего котла. За это они платили в финчасть с полочки. В этой столовой кормили все комиссии, которые постоянно приезжали в дивизион.

Если ко всему сказанному прибавить отличного повара то получается своего рода идиллия.

Повар был солдат, а от солдата ничего хорошего не жди, даже если его фамилия Берхман. Я думаю, что, читая книгу в этом можно было убедиться.

Подчёркиваю: сказанное ни в коем случае не касается работы солдат в составе боевых расчётов.

Полтора года и отличный повар превратился в разгильдяя, почувствовав свою значимость и незаменимость. После

третьей самовольной отлучки я отстранил Берхмана от обязанностей повара и отправил в стартовую батарею заряжать ракеты, а зимой чистить снег на пусковых установках и быть внештатным кочегаром.

Рассказывает А. Тимофеев

Саня Берхман личностью был, конечно, неординарной. К моменту начала службы и нашего соответственно знакомства жизни он уже повидал (он и старше меня на 2 года). Он работал до армии поваром в ресторане, вообще он работал в нескольких ресторанах.

Я у него был после службы – это были парусник возле Петропавловки – «Кронверк», и на Невском между Домом Книги и ДЛТ, как назывался – не помню. У него курносый нос, хитрые лучезарные глаза и нисходящая улыбка. Ножом он орудовал виртуозно во всех отношениях. Помню, на кухне подзывает меня и говорит:

– «Смотри». Берет два ножа, резко открывает дверь в одно из помещений и швыряет в дальний угол с двух рук ножи – так он с крысами боролся. Но главное – я не видел, чтобы кто-то также быстро чистил овощи и нарезал продукты.

За этим одно удовольствие наблюдать, и никакой нужды вставать рядом помогать – только мешать будешь. Что он плохо делал, так это злился, ругался, возмущался –

это не его. Повздыхать – это нормально, но улыбка с лица не сходила. Давно его не видел, надеюсь он такой же.

НО
ОН →
-САМЫЙ
жадный
повар...

Я не давал тебе Шурик,
поваром, но Ф.Ф. когда был
всем друзьям тебе я отдавал тебе и
ки, добавляя чувствую огонька тебе и
сердца, поэтому, не забывай
меня своей дружбы за этого...
Шурик
Земляк

Он был нашего призыва, но был немного в стороне, его зона ответственности – кухня. Это серьезно. Если от другой работы можно увильнуть, просачковать, то на кухне этого не получится. Попробуй не накорми роту солдат... Да и поваром всегда не довольны – солдатская пища – не деликатесный шведский стол, и как ни готовь – будут недовольные.

На кухне часто у него были, картоху чистили, я так толком и не научился, сколько не старался. После службы осталась привычка на всю жизнь сначала всю посуду намылить, а потом ополаскивать.

Саня всегда был душой компании, в любой обстановке чувствовал себя как рыба в воде – ресторанная закалка. Он всегда был сильным, без понуждения к этому стремился. Крутил на турнике солнышко, говорил мне:

– «Шурик, мне бы твой вес – я бы такое вытворял!». В самоволки бегал, подробностей не знаю. Знаю, что девчонок любил и знал, как с ними общаться. Почему он потом в кочегарке работал – не помню, но к нему можно было всегда зайти погреться душой и телом.

После службы мы поначалу частенько пересекались, на свадьбах гуляли у меня и Сереги.

Потом стали встречаться реже, не видел его уже лет 15. Созваниваемся. Знаю, что жизнь у него интересная и непростая, порой жестокая.

У Шурика трое детей и пятеро внуков.

Окурок

Берхмана за самовольные отлучки с должности повара я снял резко, а замены ему не было – хоть сам вставай к котлу варить кашу.

Вот тут-то я и вспомнил про «повера». Но поваром любого солдата не поставишь: кроме обучения надо пройти медицинское обследование сдать экзамены по знанию инструкции войскового питания, а у «повера» ничего этого не имелось.

Однако и отступать от сказанного я не собирался.

На кухне дивизиона

Ситуация была принципиально важная и я вызвал «повара» на беседу.

От радости (на улице – 40°, а на пусковых установках снежные лавины) он сначала потерял дар речи, а потом, на языке понятном только ему одному, начал уверять меня что справится.

Отлично помня анекдот:

Молодого повара из ресторана призвали в армию. Распределили в столовую. Молодой спрашивает у старшего пова-

ра:

– «Что делать если солдатам не понравится обед?»

– «Оставить его на ужин».

Я знал, что этот вариант в дивизионе не «прокатит». Солдаты съедали, всё что только можно было съесть – большие нагрузки.

Но качество

Сложно будет кормить солдат после ухода Берхмана. Тем не менее отступать не позволено, и я вынужден был поставить его поваром.

Медицинские анализы он вскоре сдал, а об экзамене у начальника продовольственной службы бригады не могло быть и речи – он бы его не сдал, так как толком даже говорить не мог.

Качество и вкус пищи резко изменился, если честно, то просто упал – не имелось никакого качества. Я не поддавался на уговоры офицеров вернуть Берхмана. Тогда «повера» начал воспитывать коллектив, но я предупредил прапорщика-начхоза, что если будет мордобой, то уволю его со службы.

«Повер» старался изо всех сил, спал мало: чистил, резал, жарил, парил, варил и вскоре дела у него пошли на лад. Пища стала получаться более вкусной, хотя и носила южный привкус.

Я видел: старался Махмаджан Майры во всём, держась за место повара всеми фибрами своей души.

Однажды я, проверяя дела на кухне, отругал прапорщика-начхоза за отсутствие поварской шестёрки ножей, которые должны быть в соответствии с инструкцией по войсковому питанию. На рукояти ножей должна быть нанесена маркировка:

- Мясо сырое. – Мясо варённое.
- Рыба сырая. – Рыба варённая.
- Овощи сырые. – Овощи варенные.

Закончив проверку, я установил срок на устранение недостатков.

Прошло отведённое время, и я пошёл на кухню посмотреть, что сделано. Когда увидел шестёрку ножей, то оторопел: они были сделаны на заказ, хромированные, с костяными ручками и инкрустацией на них. Тут что-то явно было не то. Начхоз не мог такие ножи достать, а если бы и достал, то утащил бы к себе домой. У него был чётко сформулированный лозунг «созидателя социализма», которым он постоянно руководствовался:

– «Ты здесь хозяин, а не гость – тащи с работы даже гвоздь!». Пришлось мне разбираться (хотя я начал предполагать): откуда взялись такие ножи. Долго выяснять не пришлось, как говорится: – «Не долго билася старушка (в данном случае начхоз) в высоковольтных проводах...». Прапорщик крутил, говоря о том, что это его личные ножи, что он принёс их из дома на время моей проверки, а потом помещает.

– «На деньги?» – спросил я.

– «Не, на те, которые получу на складе бригады» – ответил он. Я вызвал «повера» и, сказав, что если он соврёт, то отправлю его обратно – чистить снег на пусковых установках. Спросил:

– «Откуда такие ножи?».

Махмаджан Майры залепетал:

– «Я написал дамой, что начальник миня выганиз из повер, если нет нажей. Папа, мам, весь аул искал хороший. Одна дядка сделал. Завтра прислали. Начальникхоза сказал – плохие. Ваш ругат будэт. Обещала заменит, а не успела.

Вчера будет, заменит. Камандира я правду сказал.... Я снова буду повер?».

– «Будешь. Молодец что правду сказал» – похвалил я его, «иди, работай».

А начхоза опять пришлось стращать, обещая, что ему будет очень плохо если пропадут ножи. Уж очень они были хороши и соблазнительны к хищению. Прапорщик просто не успел их «замылить», прозевал.

И всё же красота ножей оказалось недостатком – ножи постепенно, по одному исчезли через полгода.

«Повер» вскоре подвергся серьёзному испытанию – в дивизион ехал Командующий ЗРВ Московского округа ПВО генерал Анохин. Комбриг предупредил, что будет работать у меня весь день, а, следовательно, будет и обедать.

Несмотря на мою занятость с расчётами ЗРК – приезд Ко-

мандующего дело серьезное и надо было к нему готовиться всесторонне. Решая вопросы войскового хозяйства, я уделил время и успел поставить задачу повару. Спросил, может ли он приготовить генералу жаркое, гуляш, бефстроганов или просто хорошо пожарить мясо? Махмаджан Майры преданно смотрел мне в глаза и заверял:

– «Магу камандыр! Жарить магу!».

Любой мужик любит хорошо поесть, но жареным мясом, даже если его много, Командующего ЗРВ не удивишь.

Хотелось чего-то оригинального, и я спросил:

– «А что ты самое вкусное у себя дома готовил, пригото- вишь?».

– «Магу камандыр! Вкусна магу.... Дом гатовил мама – здэс я сам магу!».

– «Мамы здесь твоей нет. Вот и готовь сам. И мясо жарь и вкусное, то, что дома мама делала» – зарезервировал я блюда на обед генералу.

Проверка проходила успешно и на обед, Командующий и Комбриг, пришли в хорошем настроении. На первое «по- вер» приготовил вкусную шурпу, в офицерской столовой стоял её аромат. Дело было зимой, на улице мороз и я пред- ложил к обеду водку. Командиры не отказались. Выпили и съели первое.

– «Хорош супчик! А что на второе?» – спросил генерал.

– «Сегодня у нас восточная национальная кухня товарищ Командующий, но в резерве есть ещё жареное мясо. Что бу-

дете?» – уйдя от конкретного ответа, поинтересовался я. Откуда мне знать, что у «повера» было на уме, когда он обещал приготовить что-то вкусное, и тем более предполагать, что окажется на столе у нас сейчас.

– «Конечно, попробуем национальную кухню, коль выпала такая возможность» – сказал генерал и спросил:

– «Повар то у тебя хороший?».

– «Готовит по-разному. Своеобразно, но солдатам нравится» уклончиво ответил я.

При этих моих словах «повер» занес в столовую второе.

– «Вот мы и попробуем, что едят у тебя солдаты» – Командующий приступил ко второму блюду.

Я же оторопело смотрел на принесённые тарелки....

Всё было красиво оформлено: и большие вкусно пахнущие куски мяса в подливе, и своеобразно приготовленный картофель, но я был удивлён не этим, а тем, что у каждого в тарелке была свежая зелень и аккуратно нарезанный свежий помидор!

В те времена! Зимой!

Этого просто не могло быть!

Только или в сказке, или во сне. Тем более странно, что это всё происходило наяву!

Повар не успел уйти, как, отведав второе, генерал произнёс:

– «Отлично! Очень вкусно! Молодец солдат!» – и уже обращаясь ко мне:

– «Рыжик, а ты зимой и солдат свежими помидорами кормишь?». Мы с Комбригом оценили его шутку смехом, а я, продолжая идею его юмора, бодро доложил:

– «Так точно товарищ Командующий! Холодно и нагрузки большие на солдат. Всю зиму усиленное питание».

При этих словах «повер» тихонько вышел.

Во время обеда (после третьего тоста) генерал похвалил меня за оборудование офицерской столовой:

– «Смотри командир, чтобы „господа“ офицеры её не зас... ли. Не берегут сделанного. Могут в шторы высморкаться, или видишь: на столе стоит прибор для набора специй? Почему я им не пользуюсь, знаешь? Нет? В данном случае небыло необходимости – повар у тебя всё сделал как надо, но в одной из частей я хотел посыпать в суп соль, а из солонки выпал окурочок! Бывают и козлы среди „господ“! Пришлось снять с должности заместителя по тылу части. Заставляй беречь сделанное в дивизионе и спасибо за обед!».

Генерал и комбриг встали из-за стола и направились к выходу – он проходил через солдатскую столовую, где в это время накрывали обед солдатам.

Выйдя, и посмотрев на накрытые к обеду солдатские столы, Командующий остановился как вкопанный:

– «Рыжик! Так ты что? Не шутил? Ну, ты даёшь! Так даже генералов в Округе не кормят! Как это вообще возможно?».

Я заглянул через его плечо: на каждой солдатской тарелке красовалось по два тоненьких алых кружочка нарезанных

помидор! Я был поражён не менее Командующего. Откуда помидоры я не знал, но постарался сделать «скромно зароботанный» вид.

Проводив генерала и комбрига из дивизиона, я пригласил замполита в столовую «дообедать» и допить, а заодно сделать разбор прошедшей проверки.

Было хорошее настроение – проверка уехала, всё прошло не плохо. В разговоре с замполитом я со смехом вспомнил случай с Командующим, когда он посыпал себе еду пеплом от сигарет.

– «Представляешь, в одной из частей Командующий в приборе для набора специй обнаружил окурки! Был скандал и позор».

– «У нас командир такого бардака быть не может» – резонно сообщил замполит:

– «Вот смотри – перечница» – он взял прибор – «а в ней, как и положено перец!» – с этими словами он наклонил перечницу над тарелкой.

Крышка отвалилась, и замполит высыпал к себе в тарелку, на вкусное блюдо, приготовленное «повером», кучу пепла и пару окурков...

Пока замполит в бешенстве «посыпал пеплом голову» всех офицеров, стоящих на довольствии обедающих в этой столовой, я вызвал Махмаджан Майры – меня заинтересовало «чудо свежих помидор» произошедшее в солдатской столовой:

– «Что это было? Откуда помидоры?».

Повер объяснил:

– «Папа мам, пасылка с земляк прислала.

Я генэрал вкусна кушат дала. Моя слышал, генэралу ка-
мандир сказала: всэм памидор даёт.

Я пасылка всю парэзал и дала всэм».

*А как служили и учились воевать солдаты дивизиона **рас-**
сказывает А. Тимофеев*

Дивизионная жизнь

Рассказывает А. Тимофеев

Жизнь в дивизионе была насыщенной, скучать мы точно не скучали. В 6 подъем, физо на улице, пробежка километров 3—5, умывание, уборка, завтрак – и занятия. Спали на политзанятиях с открытыми глазами, по плацу маршировали часами, ну и боевая подготовка. Изучали мат часть, проводили регламентные работы, ну и отражали налеты противника. Столько отразили, что и не счесть.

Победили всех!

Тренировались очень много, особенно перед соревнованиями и полигонами. Ездили на соревнования в Ярославль. Чем мне запомнились соревнования – тем, что у меня уперли все значки. Ночью кто-то из-под подушки у меня увел. Это была существенная потеря. Хотя все восстановилось со временем, но тогда было очень жалко. Победили мы всех, заняли 1-е место, заработали грамоты и по отпуску.

В отпуск нас отпустили, мы собрались, но почему-то поехали через бригаду. Там нас пригласили к командиру бригады. Он нас похвалил и... сказал, что мы едем на полигон стрелять и наш отпуск в тот момент очень нежелателен. После полигона обещал сразу в отпуск отправить, так и было. Ну и заодно вручил новенький гвардейский значок вместо утерянного.

Зимой очень много времени уходило на уборку территории от снега. Снега выпадало очень много, постоянно плацчи-стили. Снег скидывали в сугробы, потом эти сугробы подравнивали – красоту наводили.

Особенная напасть для дивизиона была – это проверки. Начальство высокое приезжало, у нас перед их приездом – наведение марафета, уборки, ремонты.... Времени на это уходило много, иногда приходилось этим заниматься в ущерб боевой подготовке. Об этом я могу судить, перечитав написанные родителям письма тех времен.

Оператор ручного сопровождения целей

Почему меня назначили оператором РС – не знаю, очевидно потому что у меня было незаконченное высшее образование (если бы знали, как я учился – думаю не назначили бы).

Операторов нас было трое – я, Серега Фирсанов – его назначили нашим командиром, и Юрий Пестряков.

Офицер наведения у нас был капитан Галлиулин – небольшого роста, очень расторопный офицер, всю службу с нами возился, все тренировки, соревнования, стрельбы – все с ним.

С Юркой нас судьба свела на 2 года, все 2 года в равной степени мы делили все – наряды, все работы. Серега был сержантом, на должности, с него был и другой спрос. На этой почве иногда бывали стычки, но это все не существенно, житейское. Вообще мы были как одна семья, весь наш ма-

ленький призыв, включая Володьку Праслова – дизелиста, Саню Берхмана и Мурашова, а хлеборез был несколько отдален от нас. Койки у нас были двухъярусные, на первом ярусе спали 1 смена операторов, на верхнем – вторая, более молодая.

Не знаю почему, но нас, сначала вторую тройку, а затем первую (когда уволилась предыдущая первая) готовили как операторов больше других. На окружных соревнованиях расчетов в 1978 году, мы всех победили, и на полигоне в Сары-Шагане мы были лучшими.

В 1979 мы участвовали во всех стрельбах, дублирующие тройки были только дублирующими.

Насколько хорошо нас тренировали мне трудно судить, как было в других дивизионах я не знаю, но факт остается фактом – мы были лучшими, а это значит, что боевая подготовка в нашем дивизионе была организована лучше. Тренировались мы много, капитан Галлиулин выжимал из нас все соки. Часто нас освобождали от занятий и нарядов, и мы не вылезали из кабины управления.

Результат был. После первого полигона командир представил нас троих к наградам, которых мы не получили (в своей книге он пишет, что получили, мне он объяснил, что пусть хоть в книге восторжествует справедливость).

Героями мы себя не чувствовали, более того, другим ребятам, особенно стартовикам, доставалось гораздо больше чем нам, но психологическая нагрузка больше всего ложилась

лась на нас. Результат стрельбы зачастую зависел от нашей слаженности, четкости и выдержки. Если у оператора рука дрогнет или нервы сдадут – работа всего дивизиона пойдет насмарку.

В 1979 году нас даже освободили от погрузочно-разгрузочных работ, чтобы мы свои пальчики не повредили...

Часть 2

*На нас нисходят с высоты
От вида птичьего полёта
То счастье сбывшейся мечты,
То капли птичьего помёта.*

Прикосновение к легенде

Николай Дмитриевич Гулаев – легендарная личность. Дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации. Гроза фашистских лётчиков. Совершил 250 боевых вылетов и лично сбил 57, а в составе группы 5 самолётов противника! Он совершил два воздушных тарана, причём в первом он сумел посадить свой самолёт на землю! Его обошли по числу сбитых самолётов только двое.

Первый это генерал-полковник авиации, трижды Герой Советского Союза Кожедуб Иван Никитович, который совершил 330 боевых вылетов, провёл 120 воздушных боев и лично сбил 62 фашистских самолёта.

Второй – маршал авиации, трижды Герой Советского Союза Покрышкин Александр Иванович. Он совершил свыше 600 вылетов, провёл 156 воздушных боев, сбил 59 самолётов противника. Гулаев должен был быть третьим лётчиком – трижды Героем СССР. Вот с такой воистину героической и легендарной личностью я имел пересечения по службе, в память они врезались навсегда, о них и хочу рассказать.

Но сначала немного о нём: страна должна знать своих Героев! В статье Военного обозрения «Николай Гулаев. Забытый ас» сказано:

«Несмотря на свои по-настоящему выдающиеся успехи в небе Николай Гулаев не сумел снискать той славы, кото-

рая досталась его именитым коллегам – двум советским асам – Ивану Кожедубу и Александру Покрьшкину. Историки считают, что во многом причиной был непростой характер героя. Некоторые источники говорили о том, что Гулаев уже в 1944 году был присвоен к третьей звезде Героя Советского Союза, однако представление „завернули“, так как летчик, якобы, устроил дебош в московском ресторане».

В мою бытность среди низов армии ходили слухи что Николая Дмитриевича представили к третьей Звезде Героя СССР, но он её не получил.

По этому поводу было несколько версий, но основной считалась та, что он рассердил Сталина.

Я расскажу ту, которая упорно ходила в мою армейскую бытность и считалась основной. Может это и неправда....

Прибыв на вручение третьей звезды Героя в Москву, Гулаев якобы с товарищами-фронтовиками вечером пошёл в ресторан «Прага».

Ресторан был занят – румынский посол (или консул, может атташе – не в этом суть) праздновал свой юбилей. (я пересказываю не достоверный факт, а то о чём говорили в армии).

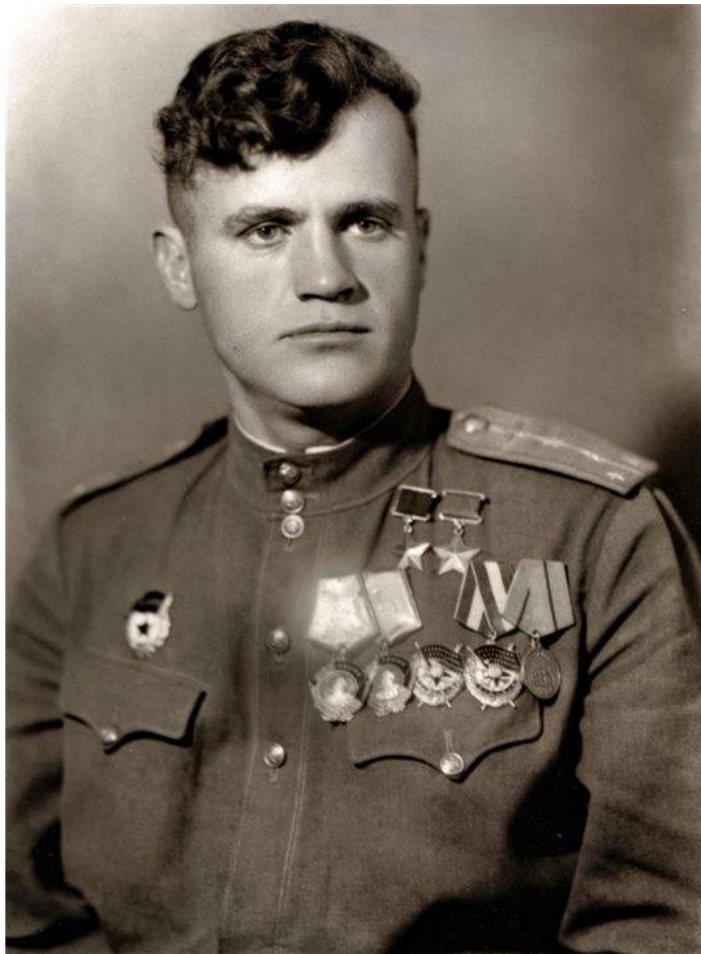
Возник конфликт, в результате которого Гулаев избил посла (или кого-то из его окружения). Утром доложили Сталину, и он его и ещё одного представленного к званию Героя, участвовавшего в потасовке, отправил обратно на фронт.

Правда это или нет?

Не знаю, но об этом ходили упорные слухи в частях войск ПВО.

О Гулаеве ходило множество противоречивых слухов, и невозможно было понять: где есть правда, а где вымысел. Даже в энциклопедиях сведения о нём сильно разнятся. Но его героизм легендарен.

«30 мая 1944 года Николай сбивает 4 самолета противника за один день, при этом бомбардировщик „Ю-87“ и истребитель „Ме-109“ он сбивает в одном бою. В этом же бою сам советский ас был тяжело ранен в правую руку. Сконцентрировав всю силу воли, он сумел довести истребитель до своего аэродрома, посадил машину, зарулил на стоянку и уже здесь потерял сознание. В себя герой пришел только в госпитале, где ему была сделана операция».

Николай Дмитриевич Гулаев

После завершения Великой Отечественной войны Николай Гулаев с 1955 года в течение пяти лет был командиром 133-й авиационной истребительной дивизии, располагавшейся в Ярославле. На набережной в доме где он жил есть мемориальная доска. Затем он стал Командующим 10-й армией ПВО со штабом в Архангельске. К этому моменту он был уже генерал-полковником.

«В 1973 году норвежские экологи обратились в Москву, сообщив, что личный состав 10-й армии занимается браконьерством и отстреливает белых медведей. На самом деле Гулаев дал распоряжение отстреливать медведей при их приближении к частям после двух случаев нападения белых медведей на солдат. В результате Гулаева вызвали для разбора в Москву на парткомиссию, где генерал снова продемонстрировал свой характер, не сдержавшись и заявив: „Прошу встать тех, кто был на фронте“. Поднялись единицы...».

Поговаривали что охота велась на... боевых вертолётах. Это был вполне осуществимый вариант охоты, и мы в него верили. Детали этого злключения я тоже не знаю, но последующая карьера генерала Гулаева подтверждала этот факт. То, что был международный скандал подтверждено в статье. В результате этих событий Командующий 10-й армией ПВО генерал-полковник Гулаев был снят с должности назначен с понижением в Московский округ ПВО.

Впервые я увидел Гулаева, будучи командиром батареи, когда в очередной раз был выбран делегатом на партийную

конференцию округа. Среди делегатов, в Колонном зале, присутствовал и генерал Гулаев. Конференция была посвящена Великой Победе Советского народа в Отечественной войне. В её работе принимали участие высокопоставленные лица правительства, а самым «высоким» из них был Первый секретарь МГК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС Гришин В. В., который был ответственным в Политбюро ЦК КПСС за охрану неба столицы. На партийной конференции присутствовало два дважды Героя Советского Союза: Главнокомандующий войсками ПВО страны, генерал-полковник авиации Колдунов и генерал-полковник авиации Гулаев.

Естественно, после открытия конференции и ряда выступлений высокопоставленных лиц слово для выступления было предоставлено и Гулаеву. Гулаев имел высочайший авторитет, хотя не любил рассказывать о своих военных подвигах.

Его простоты и характера боялись – вдруг скажет что-то не то или не так, но дважды Героя СССР при такой теме обойти было невозможно. Ему дали выступить. Коренастый дядька с простым добрым русским лицом вышел к трибуне и монотонно, по бумажке прочитал важность исторической победы Советского народа в Великой Отечественной войне.

Весь сценарий конференции был известен заранее и не предвещал участникам ничего интересного кроме бесплатного и шикарного обеда в ресторане Колонного зала. Но вот Гулаев закончил чтение «своего выступления».

Далее я рассказываю так как осталось у меня в памяти – воображение могло что-то со временем дорисовать или исказить. Одно точно Николай Дмитриевич Гулаев будучи дважды Героем СССР был простым советским человеком без всяких

Как было запланировано по сценарию, в зале встал молодой летчик-лейтенант и «с трепетом в голосе» задал вопрос Гулаеву (естественно был задан вопрос, который ему заранее определили начальники):

– «Товарищ генерал-полковник авиации! Скажите, пожалуйста, какой из 250 сделанных вылетов во время войны был самым сложным для Вас? Вы его запомнили?».

Николай Дмитриевич Гулаев

Командиры перед конференцией лейтенанту вопрос указали, а ответ генералу нет. Очевидно, поэтому Гулаев оживился.

Он отложил бумагу с записями и начал рассказ:

– «Конечно, этот полёт я помню. Это было, в сентябре 1943 года, я был старшим лейтенантом заместителем командира 27-го истребительного авиационного полка и сбил очередного фашистского мессера. («Мессершмитта»).

Вернулся в часть после вылета на задание с очередным сбитым фашистом, а командир мне говорит, что меня представляет ко второй звезде Героя Советского Союза, так как я сбил для этого достаточно фрицев. Конечно, этому известию я очень обрадовался, а все ребята в полку требуют эту новость «обмыть». А как иначе? Другой мысли допускать было нельзя».

При этих словах Командующий Московским округом заёрзал на стуле и попытался перевести в нужное русло рассказ Гулаева, но тот его одёрнул:

– «Ничего страшного нет. Ведь ребята интересуются. Нормально. Расскажу, как было...»

Так вот, спирту сами понимаете – море, а вот со свежатиной, с мясом было плоховато. По пайку есть всё необходимое, но это ж не то! Ударить лицом в грязь перед ребятами не хотелось, да и возможность есть: полк базировался недалеко (по лётным меркам) от колхоза со знакомым председателем. Вот я и решил слетать туда за «мясцом».

Прилетел. Директор мужик толковый. Вошёл в понимание и выделил двух молодых поросят. Я их в самолёт и взлетел.

Только вышел на высоту – мессеры! Четверо! Увидели меня, и пошли в атаку, а мне-то какой бой, когда вместо боекомплекта свиньи! Как только мог я от них давай драпать! Но нормально лететь оказалось невозможно: я беру вправо – поросята катятся влево, я беру влево, а свиньи опять куда-то по самолёту катятся!

Визг в истребителе стоит невозможный, думаю, что даже немцы слышали. Самолёт болтает как га..о в проруби! Еле-еле, но от фашистских мессеров я всё же удрал, а ведь чуть не сбили сволочи. Мог бы Героем не походить...

Вот такой был этот вылет. Он и был самым тяжёлым для меня во время войны».

Очевидно, генерал говорил что-то не то, так как закончил свой рассказ Гулаев под неодобрительные взгляды высокопоставленных лиц правительства и Командующего Московским округом ПВО.

А зал рукоплескал!

Это было самое интересное и яркое выступление в череде заранее написанных текстов.

Может что-то в моих воспоминаниях исказило время, может быть генерал Гулаев тогда пошутил. Ведь понятно, что каждый из 250 сделанных вылетов во время войны был сложным, а мог стать и последним. Всё не расскажешь. Тем не ме-

нее я не могу удержаться и приведу ещё одну выдержку из Военного обозрения о настоящем Герое:

В районе Курской дуги произошло сразу несколько сверхудачных боев с участием Гулаева. 14 мая 1943 года, отражая налет противника, Гулаев в одиночку вступил в бой с тремя пикирующими бомбардировщиками Ju-87, которых прикрывали 4 истребителя Me-109. Советский ас приблизился к ведущему бомбардировщику на малой высоте и первой же очередью сбил его, стрелок второго бомбардировщика успел открыть огонь, но Гулаев сбил и его. После этого он пытался атаковать третий «Юнкерс», но у него закончились патроны, поэтому он решился на таран врага. Левым крылом своего истребителя «Як-1» Гулаев ударил по правой плоскости Ju-87, после чего тот рассыпался на части. От удара Як-1 вошел в штопор, летчику удалось вернуть машине управляемость у самой земли и посадить самолет возле переднего края в расположении нашей стрелковой дивизии. Прибыв в полк с вылета, в котором было сбито три бомбардировщика...».

Второй раз я встретился с генералом Гулаевым, лично, будучи командиром дивизиона. В моем подразделении прошло перевооружение на новый тип спец ракет. Они были оборудованы кодоблокировочным устройством. Теперь пуск ракет, без знания кода, было невозможно сделать.

Дивизион был перевооружён первым в Московском Округе и над этим процессом вёлся очень серьёзный контроль.

К нам приехала комиссия, возглавлял её генерал-полковник Гулаев.

Цель: проверить как прошло перевооружение и умение расчётов ЗРДН пользоваться дешифратором по вводу кода.

Я встретил комиссию для представления дивизиона на контрольно-пропускном пункте. Доложил. Генерал Гулаев поздоровался, кратко спросил всё ли нормально и сказал: – «Слушай командир! Ракеты – мне это непонятно и неинтересно. Я лётчик и разбираюсь в самолётах, а не в том, что их сбивает.

Пусть приехавшие со мной церберы «роют» и ревизируют тебя, а мне скажи, есть ли поблизости водоём с возможностью рыбалки? Это мне по душе – люблю удить, а не заниматься ерундой. Смотри какая хорошая погода!».

Я ответил, что в дивизионе есть пруд, но в нем водятся только мелкие караси, которых мы сами разводим.

– «О-о-о! Отлично, неси удочки» – генерал воодушевился, и уже к комиссии: – «а вы ребята начинайте своё дело делать!».

Поручив заместителю по вооружению дивизиона проводить на ЗРК и пусковые установки комиссию, я сопроводил генерала к пруду. Пришли. Гулаев скинул мундир с двумя звездами Героя СССР на обваловку пусковой установки, которая примыкала к пруду, и с блаженной улыбкой расположился на берегу. Вскоре принесли указанный генералом ин-

вентарь и снасти. Процесс рыбалки начался.

Начхоза я срочно отправил к деревенскому рыбаку за настоящей рыбой, а сам занялся с комиссией, оставив генерала одного на пруду.

Через пару часов начхоз доставил рыбу, которую я вручил Гулаеву: весомое дополнение к его улову – десятку мелких карасей. Рыбе генерал был несказанно рад, мешок был полон:

– «Жену то порадую – гостинец привезу. Скажет, что не зря съездил в командировку» – пошутил он. Комиссии тоже хватило.

Конечно не поэтому проверка прошла нормально. Было сделано одно существенное замечание – в дивизионе нет грузового макета новой ракеты, и расчёты не могут тренироваться в зарядании пусковой установки спец ракетой.

Уезжая, генерал Гулаев сказал, что чтобы не говорили приехавшие с ним офицеры, а перевооружение на новый тип ракет прошло отлично и вообще дела у меня в дивизионе идут хорошо и правильно.

Замечание, сделанное комиссией округа: «в дивизионе нет грузового макета новой ракеты, и расчёты не могут тренироваться в зарядании пусковой установки спец ракетой» – меня не касалось, а относилось к службе корпуса, которой руководил полковник по фамилии Т⁰.

После отъезда комиссии которая сообщила недостатки в штаб, он мне позвонил и дал задание: из имеющейся у ме-

ня учебной спец ракеты срочно сделать грузовой макет.

Это мы умели – очищенным и просушенным песком засыпать топливные баки ракет по весу компонентов отбалансирав её под перегрузку с полуприцепа. Но данная ракета была по документации не предназначена для перегрузок, а только для тренировок в снятии кода.

Я отлично знал – её балансировать нам не положено. И вообще: это делается по письменному приказу. Я так и сказал Т⁰.

Тот взвился:

– «Я Вам приказываю! Вы должны срочно устранить недостатки, указанные комиссией!».

Пришлось напомнить, что мне может приказывать только мой командир, а Т⁰ должен подготовить проект приказа

о «засыпке ракеты» и подписать у комкора.

– «Письменный приказ я выполню. А вообще-то такие работы выполняются только по получению директивы штаба округа» – напомнил я Т⁰. Тот сказал, что я слишком умный и много на себя беру, и тут же сообщил, что приказ уже есть со сроком выполнения 8.00 утра. Т⁰ был занудой и вредным человеком – с ним нежелательно было связываться.

– «Хорошо» – сказал я: – «Приступаю к балансировке ракеты. К утру закончу и доложу».

Конечно, я не собирался пороть горячку по превращению учебной спецракеты в грузовой макет. Таких дурных команд я уже (говоря по-армейски «наглотался» досыта). От таких же начальничков каким являлся Т⁰. Всякие попадались. Песок подготовил, а засыпать не стал – надо было сначала увидеть приказ.

На следующий день, утром, в 8.00 я позвонил полковнику Т⁰ и сказал, что его «приказание» выполнено – ракета засыпана песком. Я ожидал всякое, но такое.... Мягко говоря, его ответ меня обескуражил:

– «Товарищ Рыжик! Я Вам никаких приказаний по засыпке ракеты не давал и не мог дать, потому, что это можно делать только по получению директивы округа!

Я такую запросил, а только что пришёл ответ нам это делать категорически запретили!

Засыпать ракету ни в коем случае нельзя, а если Вы решили это делать самостоятельно, без разрешения, то Вы со-

шли с ума!

За всё будете отвечать Вы! Лично Вы и никто другой!

И не вздумайте свои действия приписывать мне!».

Я в душе посмеялся его беспринципности, безграмотности и трусости, но настроение ему за такие дела решил испортить.

Сказал следующее:

– «Товарищ полковник! Я вчера, зная, что Вы даёте мне не правомерную команду обосновав тем, что есть приказ Командующего войсками округа, подстраховался. Наш разговор был записан на магнитофон командного пункта дивизиона и, если потребуется, я его представлю. Баки ракеты засыпаны песком именно по Вашему указанию, и Вам за это отвечать!».

T⁰ потерял дар речи. Я блаженствовал, представляя его конвульсии на том конце телефонной линии. Затем в телефонной трубке раздалось невнятное бормотание, и просьба «вместе что-нибудь придумать». Что я всё не так понял и по этой причине виноват в большей степени».

Когда я предложил послушать запись сказав, что на ней всё не так как он говорит сейчас, что всё трактуется однозначно, T⁰ сник окончательно.

Затем понимая, что за угробленную ракету его снимут с должности (и это было бы минимальным наказанием) стал меня просить «тихонько, никому, не докладывая» высыпать песок из ракеты обратно (а ведь он хорошо знал, что сделать

это технически невозможно). До меня дошло – я перегнул палку.

Как бы чего не вышло... не стал ждать у Т⁰ появления инфаркта – сообщил о том, что ракета песком не засыпалась.

До конца моей службы командиром дивизиона полковник Т⁰ всячески избегал встреч со мной, а если они всё же случались, то не смотрел мне в глаза.

Сказки Кадуйского леса...

Я уже не помню, кто обратился ко мне с просьбой призвать на службу в дивизион прапорщиком – фельдшером Юру Иванова. Рекомендации у него были положительные, фельдшер с настоящим медицинским образованием был нужен, и я согласился.

Когда Иванов проходил собеседование у начальника медицинской службы бригады, то тот его «переманил» пригласив служить в штате медсанчасти. Для Иванова это было намного лучше – жить в Череповце, а не в лесу. Я это понимал. Поднимать скандал не стал, а отнёсся к перебежке спокойно: «Бог дал, Бог взял», пусть будет в санчасти бригады свой человек.

Родители Иванова увидели в этом моё покровительство и благородство.

Жили они далеко – в 20 километрах от посёлка городского типа по названию Кадуй. Это – центр Кадуйского района Вологодской области РСФСР. Расположен в живописнейших (летом) местах на реке Ворон, в четырёх километрах от её впадения в реку Суда (бассейн Волги). Небольшой посёлок с леспромхозом, маленькими заводами: экстрактно-винным, деревообрабатывающим и маслозаводом.

Если сам посёлок – глухое место, то легко представить, что представляет собой деревня от него за двадцать кило-

метров!

Более того, в ней жили старообрядцы, а всё население состояло из трёх – четырёх мужичков и двадцати – тридцати старушек староверок.

Пару раз каким-то образом отец Иванова смог добраться до дивизиона. С собой он привёз дары природы: крупную и чисто перебранную клюкву, засоленные белые грибочки (каждый величиной не более напёрстка), сушеные белые грибы, кусок парной лосятины. Побывал у нас дома, познакомился с Анной и пригласил нас к себе в гости. Так далеко ехать мы не собирались, но самое интересное, что мы туда всё же выбрались.

Сопровождал нас в рейсе новоиспечённый прапорщик Иванов и не зря: мы бы никогда не смогли найти дорогу в деревню сами.

Путь был долгий и не комфортный, но мы добрались. Прибыв на место увидели небольшую в семь домов деревушку. Она смотрелась сказочной картинкой на фоне первозданного леса.

Встретили нас родители Иванова по-царски.

Чистая, светлая, просторная изба, стол который ломился от яств. Жена Иванова-старшего (мама прапорщика) была великолепная хозяйка и очень добродушная женщина.

Самыми впечатляющими и поэтому запомнившимися мне блюдами были: лосиная губа, лосино-кабаньи котлеты, варенье из морошки и костяники. Белые «микрोगрибочки»

хрустели как свежий огурец!

Были в гостях мы не долго (предстоял длинный обратный путь), а когда уезжали, то с собой нам дали полную машину лесных подарков.

Самым дорогим из них были огромные, тяжелейшие рога лося, с десятью отростками. Они представляют достаточно редкое явление природы.

Подарок мы сохранили – рога лося висят у нас в коридоре, по сей день.

Это костяное надглавье весит так много, что лосяю

не позавидуешь.

Слово «рога» имеют широкий смысл. Сравнивая лосиное надглавье с людским можно сказать: что чем больше и ветвистей рога у лосей, тем красивей и благородней самец. А у мужиков чем больше рога, тем красивей и развратней его жена.

Иванов-старший занимал пост старосты деревни, и был фактически главным «правителем» общины. Он отвечал за дела и порядок в ней. Старушки собирали ягоды, грибы и сдавали их в виде готовой продукции Иванову. Полученные варенья, соленья и сушеный продукт поставлялись по спецзаказу (через один из заводиков посёлка Кадуй) в Москву, как правительственные поставки. Смотрелась продукция настолько красиво, что сложно было поверить, что её готовят старушки вручную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.